

Войдя в темный переулок, Сяо Ихэн сделал шаг назад и уклонился в сторону, чтобы избежать приближающегося кулака. Мужчина был застигнут врасплох, так что его голова ударилась о стену позади Сяо Ихэна. Сяо Ихэн проворно обошел его и поднял ногу, чтобы ударить мужчину в спину.

Их манера мстить может показаться агрессивной, но на самом деле эта группа хулиганов была не более чем сбродом. Они бросились на него, как пчелиный рой, обмениваясь ударами и пинками. Их движения были беспорядочными, настолько, что иногда причиняли боль своим друзьям.

Сяо Ихэн легко встретил их совместную атаку, но его раздражало жужжание «мух» вокруг себя. Он всегда ненавидел неприятности, а еще больше он ненавидел те неприятности, которые не должны были иметь к нему никакого отношения. Он не мог понять, почему Ли Чэн втянул его в это. Когда он подумал об этом, его действия стали еще более жесткими и жестокими.

В старшей школе Хуачэн № 1 все ученики считали его благородным рыцарем. Они поклонялись ему и считали его статуей бога, вырезанной из льда. Они понятия не имели, что так называемый бог умел сражаться.

И... этот бог сражался особенно хорошо.

Когда другие сражались, они применяли силу не только руками и кулаками, но и глазами, и носом. Вены на их лбу вздувались, и их лица становились совершенно красными; Сяо Ихэн был полной противоположностью. Чем безжалостнее были его действия, тем спокойнее становилось выражение его лица. Он ничуть не смутился, даже тогда, когда его враги уже истекали кровью.

Сяо Ихэн был окружен кольцом за кольцом, но он, казалось, не был в трудной ситуации. Он спокойно наносил удары руками и ногами с необычной легкостью.

Он пнул кого-то в живот. Человек не мог удержаться от рвоты, выплескивая на землю отвратительную жидкость. Сяо Ихэн был несколько одержим чистотой, поэтому, когда он увидел эту сцену, он подсознательно отступил назад.

Ху Гэ воспользовался этим кратким моментом отвлечения, когда он поднял лом в руке и замахнулся им из-за спины. Сяо Ихэн не заметил приближающейся опасности, и лом был готов ударить его. Если бы это случилось, он наверняка сильно истек бы кровью и получил перелом.

Однако через мгновение в воздухе раздался какой-то звук.

□ Кирпич вдруг полетел с другой стороны и точно ударил по правой руке Ху Гэ, которая держала лом.

Ху Гэ вскрикнул от боли и отпустил ее. Лом в его руке упал на землю.

Сяо Ихэн мгновенно насторожился, услышав движение позади себя. Он обернулся только для того, чтобы увидеть, как Ху Гэ задыхается, схватившись за запястье. Осыпавшийся кирпич, упавший на землю, лежал рядом с его ногами.

Он посмотрел вдаль и увидел мальчишку, стоящего на фоне света, а перед ним тянулась длинная тень.

Погруженный в транс, Сяо Ихэн почувствовал, что его картина превратилась в реальность □

Солнце садилось за горизонт. Его лучи лились вниз от входа в переулок, окрашивая окрестности в оранжевый цвет; В этом оранжевом мире мальчик с блестящими золотыми волосами, ниспадающими на плечи, медленно приближался, становясь единственной вещью, которая была другого оттенка внутри картины.

□ Это был Ли Чэн.

Ли Чэн, который пренебрегал всеми правилами и делал все, что ему заблагорассудится.

Лоб мальчика покрылся испариной. Его грудь вздымалась и опускалась, выдыхая теплое дыхание. Он бежал всю дорогу сюда из школы.

— Ты... — Сяо Ихэн уже собирался заговорить, когда Ли Чэн резко крикнул, прерывая его:

— Сяо Ихэн, у тебя что, крыша поехала?! Ты в своем уме сражаться с таким количеством придурков? Разве ты не в курсе, что в таком случае стоило бы убежать?! — Ли Чэн пришел в ярость. Когда он услышал, что Сяо Ихэн окружен бандитами, он забеспокоился до смерти, что было совершенно на него не похоже. Он был похож на льва, который был на грани взрыва гнева, когда он рычал, — Даже тот слабый четырехглазый ботаник смог сбежать, так почему же ты не смог?!

Он не знал, как выразить беспокойство, которое возникло из ниоткуда, поэтому он мог только скрыть его за этим неловким упреком. К несчастью, ему было суждено обернуться против него. Сяо Ихэн не рассердился, несмотря на то, что долгое время сражался с бандитами, но когда он услышал слова Ли Чэна, он мгновенно пришел в ярость.

— Ли Чэн, какое ты имеешь право орать меня?! — Он спросил с холодным выражением лица, — Причина этой беды — ты сам! — Он указал на полностью поверженных бандитов, — Спроси их. Почему они преградили мне дорогу перед школьными воротами?

Лицо Ли Чэна мгновенно изменилось. Он слышал о случившемся от четырехглазого. Он без сомнения знал, зачем эти люди пришли сюда.

Ли Чэну было трудно скрыть свою нечистую совесть. Вчера он упомянул Сяо Ихэна в минуту гнева. Он не ожидал, что они действительно придут сегодня! Хотя он и был неправ, но... Но он сделал все возможное, чтобы исправить это. Как только он услышал, что Сяо Ихэн был окружен, он сразу же выбежал, чтобы помочь ему, не смотря на свой голодный желудок. У него даже не было времени позвонить своим маленьким братьям!

Однако Ли Чэн был слишком горд. Он скорее умрет, чем признает свою ошибку.

— Ты также виновен в этом! — Его лицо покраснело, когда Сяо Ихэн обвинил его, — Кто тебя вчера просил оставлять на мне свои феромоны?!

— Какие феромоны?! — Сяо Ихэн был ошеломлен. Он не мог понять, почему разговор вдруг перешел в это русло.

Когда Ли Чэн увидел, что он не признает этого, он мгновенно наполнился гневом:

— Кажется, некоторые люди осмеливаются действовать, но не осмеливаются взять на себя ответственность?.. Я не подходил к другим людям после того, как ты вчера поймал меня. Я только после прибытия в интернет-кафе обнаружил, что мое тело было покрыто зловонием альфа-феромонов. Группа хулиганов преследовала меня из-за этого, так что я не мог удержаться от того, чтобы дать им урок!

Сяо Ихэн мгновенно все понял.

У каждой альфы и омеги после дифференцировки есть свои особые феромоны. Беты могли чувствовать запах феромонов, но сами они не могли их испускать. После дифференциации, первое, что все альфы и омеги должны были узнать, как ограничить свои феромоны внутри своего тела. Было бы крайне невежливо намеренно испускать свои феромоны вот так вот.

Однако человек может потерять контроль над своими феромонами и бессознательно испускать их, когда он напуган, эмоционально неустойчив или только что закончил тренировку.

Сяо Ихэн решил, что он, должно быть, был неосторожен некоторое время, когда Ли Чэн внезапно прыгнул в его объятия. Он был взволнован, поэтому он подсознательно пустил наружу свои феромоны. Он тут же изобразил кашель.

— Вчера я на мгновение потерял над собой контроль и оставил свой запах на твоём теле. Но если бы ты не прыгнул в мои объятия, я бы этого не сделал....

— Ха! Не уклоняйся от ответственности!

Они уставились друг на друга, не желая уступать. Они хотели, чтобы другая сторона

сдалась. Они не могли признать свою ошибку.

В этот критический момент позади них раздался слабый голос □

— Мне все равно, бросился ли ты в его объятия или не смог сдержаться вчера! — Ху Гэ, который был жестоко избит ранее, снова встал. Он поднял лом в руке и предпринял вторую атаку, — Разве ты не можешь серьезно относиться к Лаоцзы? Ты здесь для того, чтобы драться, а не флиртовать!

В следующее мгновение два кулака атаковали одновременно. Один удар попал ему в правый глаз, а другой — в левую щеку, после чего он сразу же потерял сознание, упав на землю с глухим стуком.

Ли Чэн и Сяо Ихэн, ударившие одновременно, стояли плечом к плечу, глядя с таким же серьезным выражением на Ху Гэ, который лежал на полу.

— Лаоцзы тут говорит, так почему ты вмешиваешься, ублюдок?! — Ли Чэн зло взревел.

— Неужели порог быть гангстером в наши дни так низок? — Сяо Ихэн усмехнулся, — Вы могли бы также использовать время, которое вы тратите на окрашивание волос, чтобы попрактиковаться в борьбе.

Ху Гэ прикрыл свои фиолетовые волосы, чувствуя себя крайне обиженным.

Ли Чэн повернулся и посмотрел на Сяо Ихэна:

— Я так и знал, что ты любишь косвенно ругать других. У меня есть доказательства!

— Мне все еще нужно быть косвенным, когда я ругаю людей? — Сяо Ихэн поднял брови, — Кто виноват, что ты принял это на свой счет?

— Ты... Ты! — Ли Чэн раздраженно дернул себя за волосы, но возразить все же не смог.

Как мог Ли Чэн, этот неудачник, сравниться с бойким языком Сяо Ихэна, который занял первое место в своем году?

Ли Чэн никогда не стал бы сражаться словами, если бы мог говорить кулаком. Он бросился к Сяо Ихэну. Однако, сделав всего два шага вперед, он столкнулся с холодным и торжественным феромоном альфы.

— Ты ведешь себя неразумно! — Ли Чэн сразу же остановился. Он прикрыл губы и нос,

обнажив только пару огненных глаз, — Сяо, ты выпустил свои феромоны, потому что не уверен в своей победе?

Альфа- и омега-феромоны обладали определенным эффектом притяжения друг к другу. Если бы с ним обращались небрежно, это, скорее всего, вызвало бы эструс. Именно по этой причине альфы и омеги не должны сознательно выпускать свои феромоны на публике.

Ли Чэн не ожидал, что Сяо Ихэн, который казался холодным и равнодушным, на самом деле был таким бесстыдным человеком в частной жизни, настолько, что он спокойно мог прибегнуть к такому обману.

Сяо Ихэн оставался невозмутимым.

— Нет никакой необходимости рассуждать это с таким человеком, как ты, который совсем не прислушивается к своему голосу разума.

Эти двое были в ссоре друг с другом, и атмосфера мгновенно упала до точки замерзания.

Как раз в тот момент, когда эти двое были поглощены ссорой друг с другом, Ху Гэ молча поднялся с земли. Он не обращал никакого внимания на своих маленьких братьев, лежащих без сознания на земле. Он пополз вперед, намереваясь незаметно ускользнуть.

Но он был таким большим человеком. Как он мог сбежать?

— Остановись сейчас же. — Холодно отозвался Сяо Ихэн.

Ху Гэ мгновенно выпрямился. У жалкого альфы были два огромных «черных глаза». Он дрожал всем телом, и его лицо было наполнено паникой, полностью превратившись в несчастную бродячую собаку. Не было видно и намека на его прежнее высокомерие.

— Ты, похоже, забыл что-то важное.

— Д-да?

Сяо Ихэн холодно улыбнулся и напомнил:

— Ты уже говорил, что если не сможешь победить меня, то назовешь...

— ... Папочка! — У Ху Гэ ослабели колени, и он прямо опустился на колени, — Папочка, этот сын не смог выполнить свой сыновний долг. Просто отпусти этого сына!

—

Неужели хулиганы в наши дни так беспринципны?

Сяо Ихэн изначально хотел только унижить Ху Гэ и на самом деле не хотел признавать этого дешевого сына.

Он не ожидал, что Ху Гэ будет откровенно заискивающим. Если Сяо Ихэн попросит его встать на колени, он встанет на колени. Если бы Сяо Ихэн попросил его называть его папочкой, он бы назвал его папочкой. Слово «достоинство» просто не было в его словаре.

Сяо Ихэн никогда не видел такого бесстыдного человека, поэтому на некоторое время потерял дар речи. Через некоторое время он махнул рукой, намереваясь отпустить Ху Гэ и его группу.

Однако именно в это время Ли Чэн снова начал находить недостатки.

Лев, который любил причинять неприятности, казалось, был рожден только для того, чтобы соревноваться.

— Хах, — хмыкнул Ли Чэн, — Знаменитый кампусный мужской Бог, оказывается, имеет такой мелочный ум. Студенты низкого ранга вроде меня понимают принцип не гнаться за загнанным в угол врагом. Ты уже победил его в борьбе, но ты также хочешь, чтобы он называл тебя папочкой, разве тебе не стыдно?

Однако произошла неприятность.

Ху Гэ, стоявший на коленях на земле, внезапно повернулся к Ли Чэну, поклонился без малейшего колебания и заговорил со слезами в голосе...

— ... Мамоchка, это все сын виноват! Этот сын — неподобающий. Не ссорься с папочкой!

Ли Чэн и Сяо Ихэн мгновенно застыли на месте.

— Че?